

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1-14(Блок А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.1

СУБЪЕКТ РЕЧИ КАК НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК В ЛИРИКЕ А. А. БЛОКА

Игошева Т. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

SPIN-код: 9561-9785

А н н о т а ц и я. В статье предлагается нарративный подход при анализе поэтических произведений А. А. Блока. Несмотря на сложившееся представление о ненарративности поэзии, в последнее время все чаще появляются работы, оспаривающие данную точку зрения. Наряду с другими исследователями автор статьи считает, что поэтические тексты все же отмечены присутствием нарративных компонентов, хотя их природа и характер отличаются от эпических произведений. В литературоведении утвердилась точка зрения на субъекта речи блоковской лирики как на лирического героя (Ю. Н. Тынянов). Однако предлагаемый в статье взгляд на него как на нарратора позволяет рассмотреть его под иным углом зрения и выявить его коммуникативные характеристики и особенности, оставшиеся вне поля зрения исследователей, рассматривающих лирическое «я» Блока исключительно как лирического героя. В статье рассматривается такой тип нарратора, как ненадежный рассказчик, поскольку он напрямую связан у Блока с идеей обманчивой реальности. В процессе анализа стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», входившего в состав «Стихов о Прекрасной Даме», установлено, что нарративная ненадежность в нем проистекает непосредственно из религиозно-мистических воззрений Блока, далеких от непосвященного в них читателя. С его точки зрения, поэтический нарратив о том, что сквозь видимые черты, с одной стороны, богородичной иконы, а с другой стороны – Прекрасной Дамы, сквозит софийная природа, вечноженственная сущность – читателем с неизбежностью подвергается сомнению на предмет правдивости и воспринимается как поэтический вымысел. Главное отличие ненадежного рассказчика второго и третьего томов лирики Блока от первого заключается в том, что автор оформляет его именно как персонажа, участвующего в коммуникативной ситуации. Развернутый анализ стихотворения «Незнакомка» (1906) направлен на раскрытие нарративных техник, которыми оперирует Блок в этот период своего творчества. Рассмотрение поэтических произведений разных творческих периодов позволило сделать вывод о том, что в «Стихах о Прекрасной Даме» ненадежный рассказчик является побочным продуктом читательской интерпретации, а в более поздних произведениях ненадежную нарративность Блок совершенно осознанно оформляет как литературный прием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. А. Блок; лирика; субъект речи; нарратор; фокализатор; ненадежный рассказчик

Д л я ц и т и р о в а н и я: Игошева, Т. В. Субъект речи как ненадежный рассказчик в лирике А. А. Блока / Т. В. Игошева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 94–101. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101.

THE SUBJECT OF SPEECH AS AN UNRELIABLE NARRATOR IN THE POEMS OF ALEXANDER BLOK

Tatyana V. Igosheva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Abstract. The article presents a narrative approach to the analysis of the poetic works of Alexander Blok. Despite the prevailing idea that poetry is non-narrative, works challenging this point of view have increasingly appeared in recent years. Along with other researchers, the author of the article believes that poetic texts are still marked with the presence of narrative components, although their nature and character differs from those of epic works. In literary criticism, the point of view on the subject of speech of Blok's lyrics as a lyrical character has been established (Yuri Tynyanov). However, the view of the speech subject as a narrator presented in the article allows the author to consider the narrator from a different angle and identify their communicative characteristics and specific features that remained outside the scope of view of researchers who consider Blok's lyrical "I" exclusively as a lyrical character. The article examines such a type of narrator as an unreliable narrator, since Blok directly connects this narrator with the idea of deceptive reality. In the process of analyzing the poem "I Enter Dark Temples...", which was part of the "Poems about a Beautiful Lady," it was found that the narrative unreliability in it stems directly from Blok's religious-mystical views, which can hardly be perceived and shared by a lay reader. From his point of view, the poetic narrative that through the visible features of, on the one hand, the Mother of God icon, and on the other hand, the Beautiful Lady, there shines the Sophian nature as the ever-feminine essence – is inevitably questioned for its veracity and is perceived as poetic fiction. The main difference between the unreliable narrator of the second and third volumes of Blok's lyrics from the first is that the author frames them precisely as a character partici-

pating in the communicative situation. A detailed analysis of the poem “The Stranger” (1906) is aimed at revealing the narrative techniques that Blok uses during this period of his creative activity. The examination of poetic works of different creative periods allows concluding that in the “Poems about a Beautiful Lady”, the unreliable narrator is a by-product of reader interpretation, and in the later works Blok, quite consciously, frames unreliable narrative as a literary device.

Key words: Alexander Blok; lyrics; subject of speech; narrator; focalizer; unreliable narrator

For citation: Igosheva, T. V. (2025). The Subject of Speech as an Unreliable Narrator in the Poems of Alexander Blok. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 94–101. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101.

Одной из заметных литературных тенденций модернизма является перестановка акцента на «событие рассказывания». Подчеркивая ее значение, Александр Генис в свое время писал: «...вместо того, чтобы исследовать объект, модернизм занялся субъектом. Область интересов художников переместилась с действительности на способы ее, – действительности, – репрезентации, манифестации, конструирования. Модернизм изображал мир ареной борьбы разных субъективностей, разных трактовок реальности, существующей лишь в сознании автора» [Генис 2000: 203–204]. Прием «ненадежного рассказчика», призванный организовать предельную степень субъективности нарратора, напрямую связан с этой тенденцией.

Известно, что термин «unreliable narrator» был введен американским филологом Уэйном Бутом в монографии «Риторика вымысла» (1961) [Booth 1961] для разграничения функций «всезнающего автора» и рассказчика, повествование которого субъективно по тем или иным причинам. Немаловажным фактором, без которого невозможна характеристика ненадежного рассказчика, является фигура читателя. Согласно финскому исследователю А. Нюннингу, ненадежного нарратора следует рассматривать как продукт диалога между читателем и автором: нарративная ненадежность определяется исключительно в присутствии читателя, восприятие которого должно учитываться как при организации автором ненадежной наррации, так и при интерпретации художественного произведения самим читателем [Nünning 1998].

Современные исследователи, обращающиеся к изучению нарративных техник, стремятся не только описать, но и классифицировать ненадежного рассказчика. Прежде всего выделяют причины «ненадежности» нарратора: лживость, забывчивость, неадекватность, наивность, инфантилизм, желание дать искаженную картину мира, манипуляция читателем и т.д. [Riggan 1981; Жданова 2009]. Помимо того, протекает процесс накопления наблюдений, касающихся авторских маркеров ненадежности повествования [Nünning 1998]. Вместе с тем менее изученным остается вопрос о классификациях функций ненадежного нарратора в различных художественных моделях, поскольку «этот литературный прием обладает большой гибкостью и позволяет автору достигать с его помощью различных эффектов, следовательно, функции ненадежной наррации во многом обусловлены художественными особенностями конкретного текста» [Ласточкина, Коробова 2017: 321]. Несмотря на то, что рассматриваемый прием уже несколько десятилетий привлекает к себе внимание как зарубежных [Riggan 1981; Nünning 1998; Mannila 2013], так и оте-

чественных [Белова 2013; Жданова 2009; Жиличева 2015] исследователей, единой классификации ненадежного рассказчика на сегодняшний день не создано, хотя подобные опыты в последнее время все же предпринимаются [Ширяева, Вовк 2021].

Исследование организации нарративных структур и в лингвистике, и в литературоведении ведется преимущественно на материале прозы, а поэзии уделяется гораздо меньше внимания, поскольку существует сложившееся представление о ее принципиальной ненарративности [Heiden 2014]. Тем не менее в последние годы все же был опубликован ряд работ, авторы которых с опорой на труды В. Шмида, определившего событие как «некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире, или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [Шмид 2003: 15], придерживаются точки зрения наличия нарративности в поэзии [Галанова 2016; Татару 2011; Чаркин 2016; Темиргазина, Ибраева 2021 и др.].

Действительно в начале XX в. интерес к организации новых субъектных форм можно наблюдать не только в модернистской прозе, в частности, в творчестве таких авторов, как В. Брюсов, Л. Андреев, Ф. Сологуб и др. [Смоленская 2024a; 2024b], но и поэзии. Отметим все же, что нарратологическое понятие ненадежный рассказчик по отношению к лирическим произведениям, безусловно, применимо с определенной долей условности и только к тем, в которых наличествует «рассказанная история», хотя бы в свернутом или неразвитом виде: событие или событийный ряд внешнего или внутреннего (ментального) мира обуславливают наличие нарратора в различных видах его репрезентации. По наблюдениям исследователей, свернутый или неразвитый характер нарратива в лирике обусловлен сегментностью поэтического текста. Брайан Макхейл, специально занимавшийся данным вопросом, рассуждая об особенностях поэтического нарратива, в частности отметил, что смысл в лирическом произведении «генерируется необходимостью преодоления перерывов в повествовательной непрерывности, налагаемых поэтической формой» [McNale 2009: 16–18].

Благодаря Ю. Н. Тынянову [Тынянов 1921] и другим филологам-формалистам, в литературоведении прочно утвердился взгляд на «я» блоковской лирики как на *лирического героя*, – понятие, ставшее каноническим и в какой-то степени даже застывшим. В связи с этим представляется целесообразным взглянуть на субъектную организацию лирики Блока под иным углом – с нарратологической точки зрения. Это кажется тем более уместным, что Блок сам определял три тома своей лирики

(«трилогию вочеловечения») в понятиях, связанных с эпосом: «Всю трилогию я могу назвать “романом в стихах”» [Блок 1960а: 559].

Реализуя в «Стихах о Прекрасной Даме» предельно субъективную картину мира, в основе которой лежала идея двоemiрия и поэтическая софология, Блок уже в ранний период своего творчества с неизбежностью должен был решать вопрос о способе «рассказывания» своего религиозно-мистического понимания бытия, где главным событием стала встреча с Вечной Женственностью¹. Одним из заслуживающих особого внимания приемов для организации такого рассказывания о мире, не поддающемся эмпирическому восприятию, и является субъект блоковской лирики, выступающий в роли ненадежного рассказчика.

В первом томе своей лирической трилогии Блок разворачивает картину несовершенной земной жизни и противостоящего ей идеального мира сущностей, которому принадлежит Прекрасная Дама, обладающая софийными чертами. Ущербность земного существования и вера в «иные миры» сформировала у Блока устойчивое влечение смотреть *сквозь* видимые образы земной жизни для того, чтобы уловить сакральную основу бытия.

Для рассмотрения поэтического нарратива обратимся к стихотворению 1902 г. «Вхожу я в темные храмы...», входившего в состав «Стихов о Прекрасной Даме»:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.
В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.
О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.
[Блок 1960а: 232]

В рассматриваемом стихотворении «я» выступает как диегетический нарратор, выраженный одновременно в двух планах: как субъект повествования, и как его объект (он – рассказчик, рассказывающий о себе самом).

Сюжет стихотворения предстает в виде лирического «рассказа» субъекта речи об ожидании «я»-персонажем (объект повествования) Прекрасной Дамы – воплощении софийного начала. В сюжете стихотворения она в объективной, эмпирической реальности так и не появляется, но тем не менее ее

явление становится *событием* поэтического рассказа, поскольку оно совершается в ментальной сфере лирического «я», что подчеркнуто в том числе и сменой повествовательного режима. В начале стихотворения о Прекрасной Даме говорится в третьем лице, а в последней строфе по отношению к ней возникает форма второго лица – «Ты», что согласуется с речевой традицией об отсутствующем говорить в третьем лице, а присутствующем – во втором.

По ходу рассказа не-появление ожидаемой героини в реальном мире влечет за собой обращение «я»-персонажа к ее «заместительнице», своеобразному аналогу, «сну о ней» (как ее определяет нарратор) – к иконе с изображением Богородицы². Основой сближения Прекрасной Дамы и Богородицы³ является представление Вл. Соловьева, поддержанное и развитое Блоком (а также и другими поэтами-символистами), о том, что София способна воплощаться в человеческой телесности: Богородица, по глубокому убеждению русского религиозного философа, и оказалась одним из таких случаев воплощения. А в современности таковое Блок увидел в личности Л. Д. Менделеевой. В финале стихотворения эта аналогия приобретает вид тождества, выраженного в формуле: «Но я верю: Милая – Ты».

В позиции субъекта повествования нарратор выполняет две функции: *рассказывания* и *интерпретации*. Рассказывание сконцентрировано в первых шести стихах и опирается на глагольный ряд: «вхожу», «совершаю», «жду», «дрожу». В то время как интерпретация начинается в 7–8 стихах и продолжается до конца стихотворения. К сфере интерпретации нарратора прежде всего и относится соотнесение женских персонажей друг с другом и Софией, происходящее в его сознании: Прекрасная Дама – Богородица – София.

В субъекте речи блоковского стихотворения можно выделить не только функцию рассказчика, но и функцию наблюдателя или фокализатора (эта категория введена французским структуралистом Жераром Женеттом в издании «Повествовательный дискурс» (1969) именно для разграничения функций видения и говорения субъекта). Фокальный персонаж непосредственно и напрямую связан со зрительной информацией, отвечая за характер визуализации, отбор визуальных образов и т. д. В различных художественных структурах точка зрения нарратора и фокализатора могут как совпадать, так и существенно расходиться. Фокализатор отвечает за визуальное восприятие, нарратор же – за его вербальное оформление. В отличие от нарратора, способного осуществлять свою функцию независимо от собственной пространственной локализации, у фокального персонажа – пространственно выраженная точка зрения на увиденное им,

² Ее номинации в тексте: Величавая Вечная Жена, Святая, а также атрибутика, с ней связанная: лампы, свечи, ризы (причем ризы нужно понимать не только как одеяние Девы Марии – синяя туника и красный мафорий, – но и оклады, которыми украшаются богородичные иконы в храме).

³ Не стоит забывать и о том, что в средневековой католической традиции сложился культ служения Деве Марии именно как Прекрасной Даме.

¹ Более детальный анализ религиозно-мистической составляющей блоковской лирики «Стихов о Прекрасной Даме» в целом см.: [Игошева 2013].

что, собственно, и наблюдается в стихотворении «Вхожу я в темные храмы...», где физическая локация героя стихотворения определена как храмовое пространство. Своим сакральным значением именно оно обуславливает и поддерживает то «духовное видение», которым обладает блоковский наблюдатель и которое направлено на выявление высшего сущностного начала женского персонажа.

С точки зрения читателя, не обладающего опытом, близким блоковскому, поэтический нарратив о том, что сквозь видимые черты, с одной стороны, богородичной иконы, а с другой стороны – Прекрасной Дамы, сквозит софийная природа, вечноженственная сущность – должна быть подвергнута серьезному сомнению на предмет правдивости. Не случайно А. Белый говорил, что блоковская героиня понятна только посвященным, а остальному миру кажется «безумием» [Белый 1995: 33]. Таким образом и рассказчик истории стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», разворачивающейся за пределами миметичности, и фокализатор, способный увидеть незримое, воспринимаются как «ненадежные», чьи восприятие и оценка происходящего «искажены» их религиозно-мистическим мировоззрением и совершенно не совпадают с обыденным взглядом. От этого блоковский субъект речи в принципе не способен понимать мир как эмпирическую данность. Именно отсюда, например, отказ Блока от собственно пейзажной лирики: элементы пейзажа у него – лишь знаки, символы вторжения «иных миров» в земные формы жизни. А между тем субъект речи, которого читатель квалифицирует как ненадежного рассказчика и ненадежного фокализатора, поскольку его собственная обыденная картина мира не совпадает с блоковской, полностью уверен в собственной «надежности». Более того, поэтический нарратор в согласии с призывом Вяч. Иванова: «A realibus ad realiora» – считает, что его религиозно-мистическое видение в большей степени реально, чем видение обыденного человека, воспринимающего только поверхностный слой жизни.

Таким образом, в стихотворении «Вхожу я в темные храмы...», в частности, и в лирике первого тома в целом, ненадежный рассказчик появляется как побочный продукт именно читательской интерпретации. Приметы собственно авторского конструирования ненадежного рассказчика, его текстовые индикаторы в произведении Блока еще отсутствуют, поскольку ненадежный рассказчик в первом томе лирической трилогии еще не был оформлен как собственно литературный прием.

В своем творчестве Блок не раз подчеркивал резкую противопоставленность объективно-эмпирического и субъективно-символистского восприятий. Например, в достаточно позднем стихотворении «Посещение» (1910):

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.

[Блок 1960с: 262]

Для обыденного сознания значимым элементом картины мира в этом тексте являются «ели» и, напротив, «заалевшие нежные персты»¹ в случае буквального восприятия выглядят элементом рассказа, которому трудно доверять. И если для читателя «ненадежным» выглядит блоковский фокальный персонаж, способный увидеть то, что не способен воспринять обыденный человек и передать это не столько метафорически, сколько символически, то для поэтического нарратора ненадежной и обманчивой является сама реальность.

Такой тип ненадежного рассказчика, передающего то, что неспособны увидеть другие, сохраняется у Блока до конца его творческого пути. Вот, к примеру, стихотворение «Милый друг, и в этом тихом доме...» (1913)

Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!
За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури – Азраил!

[Блок 1960с: 286]

Фокализатор здесь выглядит ненадежным, поскольку в его картине мира одновременно, наслаиваясь друг на друга, присутствуют и правдоподобный женский образ, и не вмещающийся в обыденную картину мира ангел смерти – Азраил. Ненадежный рассказчик потому и ненадежен, что не столько выдумывает свое повествование, сколько передает в слове специфическое видение фокального персонажа. Продолжая ряд примеров, можно также вспомнить и о том, что в финале поэмы «Двенадцать» Христа видит нарратор, рассказывающий о его появлении из снеговых метелей в 10-й, 11-й и 12-й главах, но при этом показательно, что его не видят персонажи поэмы – двенадцать красногвардейцев.

Совершенно иной тип «ненадежного рассказчика» появляется у Блока во втором томе его лирической трилогии и продолжает присутствовать в третьем. Его формирование обусловлено не только закономерностями его собственной творческой эволюции, но и связано с поражением первой русской революции, которую Блок воспринимал отнюдь не с социально-политической точки зрения, сопрягая с ней собственные мистические чаяния. Не состоявшееся в ходе революции религиозное преображение мира вызывало у поэта недоверие, скепсис по отношению к центральным идеям собственного мировоззрения. Эти сомнения отразились в числе прочего и на оформлении субъекта речи. В отличие от первого тома, где поэтический нарратор верит в правдивость картины мира, которую он воссоздает в своих рассказах, в более позднее время у него возникает глубокое сомнение в ней, что влекло за собой ненадежность поэтически воспроизводимого им образа действительности.

¹ Образ, наделенный Блоком символической софийной семантикой, вместе с тем соотносится с известным гомеровским образом «розоперстной Эос» из «Илиады»: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...» (пер. В. А. Жуковского).

Например, перед описанием события, расположенного в центре стихотворения «В ресторане» (1910), в поэтической наррации следует субъектное предуведомление: «Никогда не забуду (он был, или не был, / Этот вечер)» [Блок 1960с: 25]. И только после этого стартует рассказ об «этом вечере» в ресторане. С одной стороны, субъект речи подчеркивает чрезвычайную значимость рассказываемого им воспоминания: «Никогда не забуду...». А с другой, – нарратор выражает неуверенность в самой реальности произошедшего события («Он был или не был / Этот вечер...»), о котором он повествует, адресуя и транслируя эту неуверенность читателю. И таким образом, данная фраза становится ярким маркером субъекта речи как ненадежного рассказчика. Функционально в этом стихотворении он участвует в создании концепции обманчивой реальности, похожей на сон, где зыбкой является сама граница между действительностью и тем неназванным Блоком состоянием его героя, которое мы можем определить с помощью понятий сон, греза, видение, воображение, фантазия и т. п. Обманчивая реальность в художественном мире Блока довольно часто привлекает внимание исследователей, а вот роль субъекта речи в ее поэтической организации до сих пор остается вне поля зрения филологов.

Довольно интересно, что в этом стихотворении функции нарратора и фокализатора разведены: «ненадежным» выступает именно субъект речи, в то время как фокализатор не вызывает недоверия к увиденному его глазами. Если бы не предварительное оповещение «он был или не был...», принадлежащее именно нарратору, рассказ о любовной игре между «я»-персонажем и женским «ты», основанный на визуальном характере пространственно-предметной образности (фонари, окно, переполненный зал ресторана, смычки, струны, «черная роза в бокале золотого, как небо, ай», дрожащая женская рука, ресницы, шелка, зеркала), не вызвал бы никакого сомнения.

Изменение в структуре ненадежного рассказчика (по сравнению с первым томом блоковской лирики) заключается в том, что он здесь становится ненадежным не только для читателя, но и для самого субъекта речи, неспособного определить даже для самого себя степень подлинности рассказанного им события, отделить бывшее от пригрезившегося.

Модальность сомнения в реальной природе жизни, выражаемого ненадежным рассказчиком, зачастую оформляется у Блока при помощи платоновско-соловьевских идей, достаточно хорошо исследованных в блоковедении [Грякалова 2004: 7]:

Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?

[Блок 1960b: 248]

Здесь присутствуют явные отсылки к платоновскому мифу о пещере и соловьевскому стихотворению «Милый друг...» (1892):

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

[Соловьев 1974: 93]

Модальность неуверенности Блок аранжировал и при помощи мотива сна:

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?

[Блок 1960b: 248]

Ненадежный рассказчик здесь также не способен верно построить сообщение о том, как «твои мне светят очи», поскольку бессилён распознать в какой именно – сновидческой или подлинной – реальности происходило сообщаемое им событие.

Одним из наиболее ярких примеров ненадежного рассказчика второго типа – неуверенного в том, что именно он видит, – вследствие чего и читатель не может быть уверен в том, что историю ему рассказали правильно, является хрестоматийное стихотворение «Незнакомка»¹ (1906).

Оно открывается своеобразной экспозицией: рассказом о пошлом времяпрепровождении дачных обывателей. Обращает на себя внимание, что в этой части текста высказывание оформлено как передающее объективную реальность (хотя и не без сатирической интерпретации нарратора). Вторая часть поэтического рассказа отведена описанию «незнакомки». С одной стороны, ее появление подчинено той же логике регулярной повторяемости, что и жизнь обывателей, а также и существование самого «я»-персонажа, которую подчеркивает субъект речи (об этом говорит анафорическое «И каждый вечер...»). Идеино эта повторяемость для Блока была связана с ницшевским понятием «дурной бесконечности», движущейся по кругу и лишенной развития. А с другой стороны, – нарратор предваряет появление «незнакомки» фразой, выражающей его сомнения в реальности увиденного: «Иль это только снится мне»:

И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный
В туманном движется окне

[Блок 1960b: 186]

Иными словами, в отличие от изображения дачников первой части стихотворения описание «незнакомки» маркировано предельной субъективностью, которую осознает и выражает в речевой формулировке сам нарратор.

Важно, что «ненадежность» рассказчика мотивирована оглушенностью его сознания «влагой терпкой и таинственной» («И все души моей излучины / Пронзило терпкое вино»), вследствие чего он не в силах понять – какому именно из миров принадлежит «незнакомка» – действительному или сновидческому. Опьяненное состояние порождает не только ненадежность нарратора, но и особую оптику фокального персонажа:

¹ Отметим, что в данной статье не ставится задача целостного анализа стихотворения Блока «Незнакомка». Существует целый ряд публикаций такого рода. Для примера назовем лишь одну из них: [Магомедова, Ивинский, Кормилов, Ранчин, Толмачёв 2009].

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

[Блок 1960b: 186]

Как отмечает В. И. Тюпа, ненадежный фокализатор «...в своей патологической обособленности видит то, чего никто из людей видеть не может» [Тюпа 2019: 14]. Функционально фокализатор стихотворения вновь не совпадает с рассказчиком. Поэтический нарратив не выражает уверенности в подлинности хотя бы в одной из сущностей «незнакомки», в то время как фокальному персонажу, уверенному в истинности его собственного зрения, ее образ открыт во всей полноте: одновременно и определенности, и неопределенности; и реальной, и ирреальной природе.

Организация двойного видения «незнакомки» фокальным персонажем осуществляется как пересечение внешней и внутренней фокализации. Внешняя направлена на моделирование прежде всего объективной картины мира и является доминирующей в первой части стихотворения. Она же отмечена глаголом «смотрю» («Смотрю за темную вуаль») при восприятии женского образа. Этой точке зрения подвластны лишь эмпирические признаки «незнакомки» (упругие шелка, в кольцах узкая рука, шляпа с траурными перьями), не отличающиеся полнотой и не затрагивающие ее глубинной сущности. Внутренняя же фокализация маркирована глаголом «вижу» («И вижу берег очарованный и очарованную даль»). Именно она в блоковском стихотворении отвечает за субъективное зрение персонажа. Собственно говоря, фокальный персонаж и обнаруживает свое присутствие в тексте названными глаголами, причем за каждым из них закреплено собственное значение: смотреть можно на эмпирически явленную реальность, а видеть – только то, что находится за ее пределами. Вместе с тем выделенные глаголы определяют в фокальном персонаже две его противоположные опции: за глаголом «смотреть» – уверенность в объективности увиденного женского персонажа, за глаголом «видеть» – сомнения в надежности его визуальной составляющей. Внутренняя фокализация призвана выявить в образе «незнакомки» его инобытийную ипостасность, которая в стихотворении связана уже не столько с религиозно-мистическим воззрением Блока, сколько с его новой (по сравнению с предыдущим периодом его творчества, когда он поддерживал идею теургического искусства) концепцией творчества, по которой преобразование обыденного в высокое возможно только в рамках искусства, но отнюдь не в реальности.

Ненадежная наррация блоковского стихотворения, будучи оформленной как литературный прием, выглядит тем более выразительно, что раз-

ворачивается она на фоне лейтмотивного суждения об истине. Латинское выражение «In vino veritas», означающее утрату возможности к лукавству у пьяного человека, иронически переосмысливается нарратором в финале поэтического рассказа и звучит как насмешливая похвала вину – единственно оставшемуся для субъекта речи способу запустить процесс творческого преобразования низкой и пошлой действительности, протекающий, к его сожалению, исключительно в рамках его собственной ментальности. Это подчеркнуто финальным диалогическим положением, в котором «я»-персонаж обращается к себе как к «ты»-персонажу:

Ты право, пьяное чудовище!

Я знаю: истина в вине.

Данная коммуникативная ситуация призвана еще раз подчеркнуть: идеальные, запредельно высокие свойства женского персонажа являются всего лишь вымыслом, плодом замкнутого в самом себе поэтического субъективного воображения нарратора, что отличает «Незнакомку» от рассмотренного выше стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», где под местоимением «Ты», к которому обращается лирический субъект, подразумевалась безусловная вера в истинность софийного идеала, его присутствие в мире как духовного начала бытия.

Таким образом, ненадежное повествование возникает в блоковском стихотворении не только вследствие особой перспективы фокализатора, прозревающего двойную сущность «незнакомки», но и в результате того, что нарратор, выступая в роли ненадежного рассказчика, не может дать верную интерпретацию, осмыслить событие объективно. Благодаря этому и читатель оказывается в сложном коммуникативном положении, когда у него отняты точные ориентиры, подсказывающие как именно следует воспринимать рассказ о «незнакомке», поскольку нарратор намеренно выстроил свое сообщение, разворачивающееся в условиях стартовой неопределенности, сталкивающей противоположные точки зрения на одно и то же событие (сновидение или явь). Ненадежный рассказчик блоковского стихотворения предоставляет читателю свободу выбора: он самостоятельно должен определиться в том, какую именно из двух точек зрения (сон или явь) считать истинной.

На основании вышесказанного можно утверждать, что ненадежный рассказчик и ненадежный фокализатор в творчестве Блока выступают как намеренно закодированный элемент его поэтического текста, и связаны они прежде всего с его концепцией обманчивой реальности. Различное смысловое наполнение данной идеи в разные периоды его поэтического творчества влечет за собой и различное оформление субъекта речи как ненадежного рассказчика и ненадежного фокализатора.

Источники

Белый, А. Воспоминания о Блоке / А. Белый. – М. : Республика, 1995. – 510 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1897–1904 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960а. – 784 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1904–1908 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960b. – 472 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1908–1921 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960c. – 720 с.

Соловьев, В. С. Стихотворения и шуточные пьесы / В. С. Соловьев. – Л. : Советский писатель, 1974. – 350 с.

Литература

Белова, Е. Н. «Ненадежный повествователь» с разных точек зрения: Кадзуо Исигуро («Когда мы были сиротами») и рассказ Рюноске Акутогава («В чаще») / Е. Н. Белова // Вестник ВолГУ. Сер. 8. – 2013. – № 12. – С. 154–158.

Галанова, В. А. Специфика поэтического нарратива в жанре поэмы и в поэмах Ф. Н. Глинки / В. А. Галанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2016. – Вып. 22, № 5. – С. 145–148.

Генис, А. Модернизм как стиль XX века / А. Генис // Звезда. – 2000. – № 11. – С. 202–209.

Грякалова, Н. Ю. Поэт и критики / Н. Ю. Грякалова // А. Блок. Pro et Contra. – СПб. : РХГА, 2004. – С. 1–12.

Жданова, А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 2. – С. 151–164.

Жиличева, Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) : дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Жиличева. – М. : [б. и.], 2015. – 429 с.

Игошева, Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма / Т. В. Игошева. – М. : Глобал Ком, 2013. – 398 с.

Ласточкина, А. С. О семантике ненадежной наррации / А. С. Ласточкина, Д. М. Коробова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, вып. 3. – С. 317–325.

Магомедова, Д. М. «Незнакомка» А. А. Блока: пять разборов / Д. М. Магомедова, Д. П. Ивинский, С. И. Кормилова, А. Н. Ранчин, В. М. Толмачёв // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 36–108.

Смоленская, М. А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности / М. А. Смоленская // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2024a. – Т. 24, № 1. – С. 78–86.

Смоленская, М. А. Несовпадение внешней и внутренней точки зрения в тексте с ненадежным нарратором (на материале рассказа Л. Андреева «Мысль») / М. А. Смоленская // Сфера культуры. – 2024b. – № 1 (15). – С. 34–46.

Татару, Л. В. Нарративный анализ лирической поэзии (стихотворение А. С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением») / Л. В. Татару // Новый филологический вестник. – 2011. – № 19 (4). – С. 102–110.

Темиргазина, З. К. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) / З. К. Темиргазина, Ж. Б. Ибраева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 290–307.

Тынянов, Ю. Н. Блок и Гейне / Ю. Н. Тынянов // Об Александре Блоке. – Пг. : Карточный домик, 1921. – С. 235–264.

Тюпа, В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе / В. И. Тюпа // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 2. – С. 10–18.

Чаркин, В. В. Лирический нарратив как способ выражения авторского сознания в лирике С. Я. Надсона / В. В. Чаркин // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1 (70). – С. 141–145.

Ширяева, Ж. Л. Типы ненадежных рассказчиков в литературе / Ж. Л. Ширяева, Е. Ю. Вовк // Современный ученый. – 2021. – № 5. – С. 182–187.

Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Booth, W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. – Chicago : The University of Chicago Press, 1961. – 574 p.

Heiden, V. Narrative in poetry: A problem of narrative theory / V. Heiden // Narrative. – 2014. – Vol. 22, no. 2. – P. 269–283.

Mannila, S. The Unreliable Narrator in Bret Easton Ellis's American Psycho: pro gradu thesis / S. Mannila. – Univ. of Tampere, 2013. – 75 p.

McHale, B. Beginning to Think about Narrative in Poetry / B. McHale // Narrative. – 2009. – No. 17. – P. 11–30.

Nünning, A. Unreliable Narration: Studien zur Theorie und Praxis ungläubwürdigen Erzählens in der englischsprachigen Erzählliteratur / A. Nünning. – Trier, 1998. – 310 S.

Riggan, W. Pícaros, Madmen, Naifs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator / W. Riggan. – Norman : Univ. of Oklahoma Press, 1981. – 206 p.

References

Belova, E. N. (2013). «Nenadezhnyi povestvovatel'» s raznykh tochek zreniya: Kadzuo Isiguro («Kogda my byli sirotami») i rasskaz Ryunoske Akutogava («V chashche») [“Unreliable Narrator” from Different Perspectives: Kazuo

- Ishiguro (*When We Were Orphans*) and a Short Story by Ryunosuke Akutogawa (*Into the Thicket*). In *Vestnik VolGU. Ser. 8. No. 12*, pp. 154–158.
- Booth, W. C. (1961). *The Rhetoric of Fiction*. Chicago, The University of Chicago Press. 574 p.
- Charkin, V. V. (2016). Liricheskii narrativ kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v lirike S. Ya. Nadsona [Lyrical Narrative as a Way of Expressing the Author's Consciousness in the Lyrics of S. Ya. Nadson]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1 (70), pp. 141–145.
- Galanova, V. A. (2016). Spetsifika poeticheskogo narrativa v zhanre poemy i v poemakh F. N. Glinki [Specificity of Poetic Narrative in the Genre of the Poem and in the Poems of F. N. Glinka]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Issue 22. No. 5, pp. 145–148.
- Genis, A. (2000). Modernizm kak stil' XX veka [Modernism as a Style of the 20th Century]. In *Zvezda*. No. 11, pp. 202–209.
- Gryakalova, N. Yu. (2004). Poet i kritiki [The Poet and the Critics]. In *A. Blok. Pro et Contra*. Saint Petersburg, RKhGA, pp. 1–12.
- Heiden, B. (2014). Narrative in Poetry: A Problem of Narrative Theory. In *Narrative*. Vol. 22. No. 2, pp. 269–283.
- Igosheva, T. V. (2013). *Rannyaya lirika A. A. Bloka (1898–1904): poetika religioznogo simvolizma* [Early Lyrics of A. A. Blok (1898–1904): Poetics of Religious Symbolism]. Moscow, Global Kom. 398 p.
- Lastochkina, A. S., Korobova, D. M. (2017). O semantike nenadezhnoi narratsii [On the SEMantics of Unreliable Narration]. In *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. Vol. 14. Issue 3, pp. 317–325.
- Magomedova, D. M., Ivinsky, D. P., Kormilova, S. I., Ranchin, A. N., Tolmachev, V. M. (2009). «Neznakomka» A. A. Bloka: pyat' razborov [“The Stranger” by A. A. Blok: Five Analysis]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. III: Filologiya*. Issue 2 (16), pp. 36–108.
- Mannila, S. (2013). *The Unreliable Narrator in Bret Easton Ellis's American Psycho: Pro Gradu Thesis*. Univ. of Tampere. 75 p.
- McHale, B. (2009). Beginning to Think about Narrative in Poetry. In *Narrative*. No. 17, pp. 11–30.
- Nünning, A. (1998). *Unreliable Narration: Studien zur Theorie und Praxis ungläubwürdigen Erzählens in der englischsprachigen Erzählliteratur*. Trier. 310 S.
- Riggan, W. (1981). *Picaros, Madmen, Naïfs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator*. Norman, Univ. of Oklahoma Press. 206 p.
- Shiryayeva, Zh. L., Vovk, E. Yu. (2021). Tipy nenadezhnykh rasskazchikov v literature [Types of Unreliable Narrators in Literature]. In *Sovremennyye uchenyye*. No. 5, pp. 182–187.
- Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 312 p.
- Smolenskaya, M. A. (2024a). Nenadezhnaya narratsiya i nenadezhnaya fokalizatsiya v proizvedeniyakh neklasicheskoi paradigmy khudozhestvennosti [Unreliable Narration and Unreliable Focalization in Works of the Non-classical Paradigm of Artistry]. In *Vestnik YuUrGU. Ser. «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Vol. 24. No. 1, pp. 78–86.
- Smolenskaya, M. A. (2024b). Nesovpadenie vneshnei i vnutrennei tochki zreniya v tekste s nenadezhnym narratorem (na materiale rasskaza L. Andreeva «Mysl'») [Discrepancy between External and Internal Points of View in a Text with an Unreliable Narrator (Based on the Story “Thought” by L. Andreev)]. In *Sfera kul'tury*. No. 1 (15), pp. 34–46.
- Tataru, L. V. (2011). Narrativnyi analiz liricheskoi poezii (stikhotvorenie A. S. Pushkina «Net, ya ne dorozhu myatezhnym naslazhden'em») [Narrative Analysis of Lyric Poetry (Alexander Pushkin's Poem “No, I Don't Value Rebellious Pleasure”)]. In *Novyye filologicheskii vestnik*. No. 19 (4), pp. 102–110.
- Temirgazina, Z. K., Ibraeva, Zh. B. (2021). Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvorenii P. Vasil'eva) [Observer in Poetic Narrative (Using the Example of P. Vasiliev's Poems)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 72, pp. 290–307.
- Tynyanov, Yu. N. (1921). Blok i Geine [Blok and Heine]. In *Ob Aleksandre Bloke*. Petrograd, Kartochnyi domik, pp. 235–264.
- Tyupa, V. I. (2019). Pogranichnye sostoyaniya v literaturnom narrative [Borderline States in Literary Narrative]. In *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 2, pp. 10–18.
- Zhdanova, A. V. (2009). K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoi narratsii [On the History of the Emergence of the Literary Phenomenon of Unreliable Narration]. In *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. No. 2, pp. 151–164.
- Zhilicheva, G. A. (2015). *Narrativnye strategii v zhanrovoi strukture romana (na materiale russkoi prozy 1920–1950-kh gg.)* [Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (Based on Russian Prose of the 1920s – 1950s)]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 429 p.

Данные об авторе

Игошева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
E-mail: tigosheva@mail.ru.

Author's information

Igosheva Tatyana Vasilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Recent Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).